

Милош ФОРМАН

«ЧТО Я ЗНАЮ, или ЧТО Я МОГУ ПОДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ЭТО ПРАВДА?»

Фрагмент книги

Автобиография Милоша Формана, написанная им в соавторстве с литератором Яном Новаком и переведенная на несколько иностранных языков (в России она известна под названием «Круговорот»—см. Ф о р м а н М., Н о в а к Я. Круговорот. М.: Вагриус, 1999), в Чехии в 2007 году была переиздана. Новая, расширенная, версия, куда вошли воспоминания об истории создания картин «Народ против Ларри Флинта» (1996), «Человек на Луне» (1999) и «Призраки Гойи» (2006), в характерной формановской манере перемеженные забавными эпизодами из жизни автора, красноречиво озаглавлена «Что я знаю, или Что я могу поделать, если это правда?» («Co já vím? aneb Co mám dělat, když je to pravda?»). Фрагмент этих воспоминаний—впервые на русском языке—мы предлагаем вниманию читателя.

Где Бродвей?

Прошло уже много времени с тех пор, как вышло первое издание книги «Что я знаю», и Ярослав Сейферт оказался прав: время, которое идет и разрушает все, тихое, как оперенье ночных сов, все течет и течет, и обладает ключами к радости и горю. Когда я шагаю по улице Нью-Йорка сегодня, каждое лицо и каждый запах мне все еще кого-то напоминают, но теперь я уже не всегда могу вспомнить, кто это был. Иногда я вспоминаю только лицо, а имя уже не всплывает в памяти, или оно вертится на языке, и мне приходится продираться назад от этого эха к самой мелодии, что иногда удается, а иногда нет. Но я точно знаю, что хоть пара событий в моей жизни в этот промежуток времени все-таки произошла. У меня новая семья. Я снял новые фильмы об аутсайдерах—хотя еще чуть-чуть, и я снимал бы совершенно другие картины. И уже для стольких друзей пробил последний час.

Страны, в которой я родился, уже не существует, и снять сегодня «Амадея» в Праге было бы уже, наверное, невозможно. Тому сонному, обветшалому городу, где некогда время текло назад, сегодня уже не до сна. По его улицам валят толпы туристов, приехавших за пивом и за сексом, а иногда и за красотой. «Моцарт» в Праге—это теперь отель, «Дон Жуан»—кукольный спектакль, а у Франца Кафки в Старом городе есть кафе.

Больше всего головокружительных перемен произошло при власти моего младшего соученика по подебрадской гимназии. Вацлав Гавел стал последним президентом Чехословакии и первым президентом Чешской Республики, и я думаю, что, не будь конституционных клаузул, он мог бы спокойно и умереть президентом. На свете множество умных политиков, но почти никто из них не был готов из-за своих принципов рисковать жизнью

в тюрьмах настолько жестоких, какими были чехословацкие тюрьмы при социализме. Джордж Бернард Шоу как-то заметил, что разумный человек приспосабливается к своему окружению, в то время как неразумный старается приспособить окружение к своим представлениям, поэтому всякий прогресс двигают неразумные люди. Я еще не встречал человека, который подходил бы под определение Шоу лучше, чем Вацлав.

Зимой 1990 года, спустя всего несколько недель после того, как Вацлав стал президентом, он прилетел в Вашингтон и произнес такую прекрасную речь в обеих палатах американского Конгресса, что у меня ком стоял в горле. За несколько дней до этого он позвонил мне и сказал, что у него будет свободный день в Нью-Йорке, и не отправиться ли нам на сентиментальную прогулку и зайти в места, где мы вместе с ним шатались в абсолютно ином мире в конце шестидесятых?

«Ну, буду очень рад, это будет здорово».

Вацлав собирался на один день выйти из своей роли в Истории и стать рядовым гражданином, однако он не подумал, что американским секретным службам, под крылом которых он находился, это и в страшном сне не приснится. Высокие молодые мужчины из президентской охраны на первый взгляд выглядели импозантно. На них были сшитые на заказ костюмы и стильные галстуки, и они ездили в блестящих бронированных лимузинах. По ним было видно, что они проводят много времени в тренажерных залах, но вместе с тем они, бесспорно, были интеллигентны и очень тактичны. Ни тени улыбки не проскользнуло у них на лицах, когда чехословацкий президент вышел из своих апартаментов в отеле ООН, одетый, как любовник Джейн Фонда шестидесятых годов. На Вацлаве были джинсы и старый свитер, который он натянул поверх клетчатой рубашки, в результате чего растрепал свои не по-президентски длинные волосы. Рядом с ним шла его первая жена Ольга и двое друзей, и все широко улыбались. Я начал предвкушать приятный день и вечер.

Американской правительственной охраной командовал молодой мужчина, который представился мне как «J», или «Джей». Он знал, что сегодня гидом буду я, и поэтому обратился ко мне.

—Куда пойдем сначала?

—На сорок пятую, между восьмой авеню и Бродвеем.

—На какую сорок пятую?

—Ну, знаете, сорок пятая улица, сразу за Бродвеем.

Джей секунду пристально изучал мое лицо, как будто искал там какую-то подсказку, а потом спросил:

—А где Бродвей?

—Где Бродвей?

—Да. Где Бродвей?

У него на лице было такое бесстрастное выражение, что мое сердце моментально сжала ледяная рука ужаса. Боже мой, неужели он меня проверяет? Я вдруг снова стал маленьким чешским человечком, трясущимся от страха перед железной рукой власти,—ну да, сейчас я определенно подвергаюсь какому-то тайному допросу, а что же это еще может быть? Ведь американское правительство не доверило бы главу иностранного государства головорезам, которые о Нью-Йорке ни знают ни капли. Только позже, когда

я спокойно прокрутил все в голове, до меня дошло, что эта охрана заботилась только о государственных деятелях и, следовательно, в Нью-Йорке не делала ничего, кроме того, что переезжала по улице из отеля Объединенных наций к зданию Объединенных наций и обратно.

«Знаете, давайте сделаем по-другому»,—сказал я Джею, влез на сиденье рядом с водителем первого лимузина и поворот за поворотом вывел его на Бродвей. Там я договорился, что мы на полчаса заскочим посмотреть грандиозный мюзикл, чтобы Вацлав получил представление о том, как далеко за последние двадцать лет продвинулся коммерческий театр.

«Мы случайно сейчас не рядом с Вашингтон-сквер?»—спросил меня по дороге из театра Вацлав, представление которого о Манхэттене было не намного лучше, чем у Джея.—Дело в том, что я бы очень хотел туда заглянуть».

«Ну, это, конечно, можно»,—сказал я и перевел желание президента Джею, но тот решительно замотал головой и объявил:

—Идти на Вашингтон-сквер мы вам решительно не рекомендуем.

—Почему нет?

—Чтобы господин президент не попал там в перестрелку.

Секретная служба, очевидно, получала донесения о том, что на Вашингтон-сквер торгуют марихуаной, и логически выводила из этого, что там, где наркотики, там и пушки, а там, где пушки, президентам делать нечего. Вацлав до этого момента лишь терпеливо нас слушал, но этого он вынести уже не мог.

—В какую перестрелку?—спросил он у меня по-чешски с лукавой улыбкой.—Я только что от Буша, он и словом не обмолвился, что с вами кто-то воюет. Когда это началось?

—Не знаю. Я сегодня новости не смотрел.

—А не могла бы Чехословакия чем-то помочь Америке?

Джей подозрительно смотрел, как мы хихикаем и развиваем по-чешски эту абсурдную идею. Наконец Гавел объявил, что Чехословакия не будет вмешиваться в американскую внешнюю политику, и это он сейчас продемонстрирует тем, что мы просто пройдемся вдоль блока.

—Знаете, что будет лучше всего?—повернулся я к Джею и перешел на английский. Президент Гавел любит гулять, так что мы просто завернем вон за тот угол и обойдем этот блок.

—Мне очень жаль, но это невозможно,—сказал Джей.

—Почему же нет?

—В том направлении вы не можете пойти, потому что эта улица односторонняя, а вы будете двигаться навстречу движению, и мои автомобили не смогут за вами ехать. Если вы хотите гулять, то идите в том направлении,—показал он в другую сторону.—А там за углом повернете направо и обойдете все это с другой стороны.

Гавел, очевидно, еще не привык к такому тесному симбиозу с охраной.

—А что такого может случиться, если мы его не послушаемся?—спросил он у меня по-чешски.

—Ну, этого я не знаю. У меня нет привычки прогуливаться с президентами,—сказал я и с замиранием сердца надеялся, чтобы этот самый неразумный из людей все-таки не оказался настолько неразумным.—Ну а что бы случилось, если бы ты их не послушался в Праге?

—Что ты имеешь в виду? До революции или теперь?

—А в чем разница?

—Ну, если бы я попробовал сделать что-то подобное в прошлом году, то меня упекли бы на сорок восемь часов в камеру предварительного заключения. А в теперешние времена... Я и правда не знаю. Теперь меня уже никто так не шпыняет.

Между делом Гавела узнало несколько прохожих, и на тротуаре начала собираться кучка людей, что обеспокоило Джея. «Господа, вы не могли бы обсудить это в машине?»—попросил он нас.

На заднем сидении бронированного лимузина мы были под замком, потому что задние двери изнутри вообще не открывались, и вскоре я опять стал гидом. Я подробно объяснил водителю дорогу к Шеридан-сквер, откуда мы пешком прошли всю Бликер-стрит до самой Баузри. И поскольку можно, наверное, привыкнуть даже к виселице, то через пару минут мы совсем забыли об охране. По крайней мере, я вскоре перестал замечать, что перед нами и за нами головорезы при галстуках проверяют каждую нишу и пожарную лестницу и что рядом с нами по улице тащится пара сияющих тачек. В тот день никакие пули на Бликер-стрит не свистели—может, потому, что дул холодный ветер и все пешеходы спешили укрыться где-нибудь в теплом месте.

В конце прогулки мы зашли выпить пива в рок-клуб «CBGB». Президентская охрана пробежалась по туалетам, показала нам большие пальцы, и мы уселись на расшатанные лавки и стали попивать американское пиво без пены. Из репродукторов лился такой поток децибелов, что каждый удар по струнам бас-гитары гнал пивную волну на поверхности большого кувшина, из которого мы разливали это жидкое пиво по бокалам. В толпе небритых любителей рока то тут, то там маячил прилизанный мускулистый парень в элегантном костюме, с пальцем, засунутым глубоко в ухо, и с мученическим выражением на лице, но Вацлав в «CBGB» ужасно понравилось. «Вот это город!»—наклонился он ко мне через стол, чтобы перекричать визг электрогитар.—Я уже не помню, когда в последний раз был в баре, где не треплются!»

Мартина

Бархатная революция внесла ряд изменений и в мою жизнь в Америке. Границы родной страны были распахнуты настежь, и мы, эмигранты, вдруг стали интересным видом чешского племени. В Нью-Йорк повалили журналисты, фанаты кино и коллеги, а я давал интервью и улыбался в объективы фотоаппаратов намного чаще, чем скрывался от этого. Почтальоны меня проклинали: мне приходило вдвое больше почты, чем раньше, и однажды я нашел в пачке писем письмо от студентки ФАМУ. Она писала, что ее зовут Мартина и что она дописывает диссертацию, в которой сравнивает чешскую кинематографию с американской. Она не хотела навязываться, просто попыталась вытянуть из меня пару мыслей на эту определенно хорошо знакомую мне тему. Вежливое письмо напомнило мне, как некогда я, молодой честолюбивый мужчина, игнорировавший общепринятые правила, послал сценарий Чарли Чаплину в Швейцарию и действительно надеялся, что он ухватится за ничем не подкрепленное предложение от режиссера из сталинской Чехословакии, который пока ничего не снял,—и тогда я назначил

Мартине из ФАМУ встречу. Я предполагал, что придет вдумчивая очкастая девица в растянutom свитере, но вместо нее появилась элегантная брюнетка. Она была высокой и стройной, и я сразу вспомнил, что однажды уже видел ее. Это было несколько лет назад, и хотя тогда мы не сказали друг другу ни слова, я точно помнил, где она мне приглянулась.

За пару лет до этого, во время одного из моих приездов в Прагу, у меня была беседа со студентами ФАМУ. В ту пору нарыв коммунизма еще не вскрылся, так что аудитория была битком набита, хотя мой визит нигде не был объявлен, и в толпе студентов мое внимание больше всего привлекла именно эта высокая брюнетка. А на встрече в Нью-Йорке у меня сразу всплыло в памяти, как тогда в Праге я ей улыбался, когда студенты начали задавать мне вопросы, и про себя даже посылал ей сигналы: «Ну, давай, спроси у меня что-нибудь; ну, не церемонься и спроси, о чем хочешь, например, какой у меня номер телефона...»

Но тогда в Праге Мартина еще, конечно, не умела читать мои мысли, и теперь в Нью-Йорке на нее не произвело особого впечатления, что я ее так долго помню. Она вовсе не была надутой, мило смеялась и добросовестно подготовилась к нашей встрече. «Есть ли в американской кинематографии нечто подобное тому чисто чешскому смешению комедии с трагедией?—она взялась за меня как истая интеллектуалка, но сразу же махнула рукой на свой вопрос.—Но это ведь неважно, да?!»

«Существуют ли, по-вашему, в обеих этих кинематографических традициях какие-то жанры, которые хотя и отличаются по содержанию, но при этом играют ту же роль, например, пропагандистскую?—она опять осеклась и снова махнула рукой.—Но это опять все равно».

Многообещающая диссертация рушилась у меня прямо на глазах, и я попросил студентку перво-наперво прочитать все вопросы, которые она для меня приготовила, и она опять пустилась в интеллектуальное зондирование, после чего громко рассмеялась: «А это вообще ерунда!»

Мартина оказалась прекрасной собеседницей. Она обладала чувством юмора и большим жизненным опытом. Когда-то она была бэк-вокалисткой в успешной поп-группе, училась в ФАМУ и в настоящий момент работала за плату наличными уборщицей на Лонг-Айленде. Ей еще нужно было выучить английский и оформить американские бумаги, но бояться нечего, о свадьбе она уже договорилась с одним приятелем, гомосексуалистом, который мечтал продемонстрировать маме невесту, так что о грин-карте она уже позаботилась.

Прежде чем Мартина переехала жить ко мне, она поставила условие, что будет помогать мне хотя бы с корреспонденцией. Она моментально начала отвечать на телефонные звонки, заказывать столики в ресторанах, планировать мои визиты к врачу, читать за меня все сценарии и вообще всячески облегчать мне жизнь. Я, например, все еще продолжал платить аренду за маленькую квартиру у озера Тахо в Неваде, хотя годами туда не заглядывал—но руки никак не доходили вывезти оттуда свои вещи, которые я когда-то там оставил. Хотя бы один или два раза в год кто-то из моих друзей там ночевал, но содержать эту квартиру просто было нонсенсом. И только Мартина решила эту проблему за меня.

Весной 1998 года Мартина забеременела, и я пришел в ужас от ее живота. В то время я еще был женат на Вере, хотя мы и не жили вместе уже больше двадцати пяти лет, и одновременно я снимал новый фильм, который назывался «Человек на Луне»—но этого я не боялся, ужас нагоняло на меня то, как все рос и рос живот Мартины. Когда она оставила далеко позади все кривые графиков развития и наконец сделала какие-то тесты, мы обнаружили, что у нас родится пара идентичных близнецов и что это опять будут два мальчика. Стать отцом двух пар братьев—астрономически невероятное совпадение, но я уже пережил в своей жизни столько удивительных случайностей, что на всякий случай не стал об этом задумываться.

Мартина тотчас же бросилась выбирать мужские имена. Мне всегда страшно нравились имена Хрудош и Штяглав, но о старочешских именах Мартина и слышать не хотела. Наконец, мы сошлись на именах Энди и Тони в честь Энди Кауфмана и Тони Клифтона, о которых рассказывал фильм «Человек на Луне», но вскоре из Праги пришло известие, что у моего сына Петра родилась третья дочь и ее назвали Тоничкой, поэтому мы решили, что будущим дядюшкам Тонички мы дадим имена Энди и Джимми.

Роды приходились как раз на середину съемок в Калифорнии. Продюсером «Человека на Луне» был Майкл Хауссман, и при каждой встрече он предупреждал Мартину, чтобы она не вздумала рожать ни в какой другой день, кроме субботы и воскресенья, потому что в противном случае был бы потерян драгоценный день. Дело в том, что он хорошо знал, что я ни за что не пропущу этот магический момент. И Мартина действительно родила мальчиков в субботу,—такой тактичности я от нее, собственно, и ожидал. Я держал ее за руку, когда она произвела на свет двух прекрасных и здоровых мальчиков, которых невозможно было отличить друг от друга. Этот момент действительно был волшебным.

Когда я попросил у Веры развода, чтобы жениться на матери моих новых детей, она шокировала меня тем, что наняла юриста по имени Ладислав Яким. Я знал Ладю уже почти сорок лет. Дело в том, что когда-то давно он сыграл в моем первом фильме Черного Петра.

На Мартине я женился в 1999 году. Обряд не был публичным, а на свадьбу мы пригласили лишь пару близких людей. Между тем Мартина вызвала в Америку маму, чтобы та помогла ей с мальчиками, и, таким образом, я стал главой странной семьи. Моя теща на пятнадцать лет младше меня, а у моих маленьких сыновей Джима и Энди есть братья Петр и Матей, которые на тридцать лет старше их. Их племянницы, дочери Петра и мои внуки, даже на пару лет старше обоих дядюшек, но я не замечал, чтобы это кого-нибудь смущало. Все мы ладим довольно хорошо. Может быть, именно потому, что теоретически наша семья такая абсурдная.

Недавно Мартина взяла мальчиков на какую-то вечеринку у бассейна, куда с ними поехал и дедушка. Отец Мартины прожил нормальную чешскую жизнь, полную стрессов и холестерина, что укорачивает ее среднюю продолжительность до уровня намного ниже американского среднего возраста; но для своих лет он выглядит очень хорошо, он высокий, стройный, с элегантно седой и двигается с продуманным благородством. У бассейна тещин произвел большое впечатление на местную фанатку кино. Эта дама

задышалась от волнения, когда уводила Мартину в сторонку: «Так это ваш знаменитый муж?»

«Нет, это мой отец,—сказала Мартина и заговорщически понизила голос.—Мой муж старше».

Народ против Ларри Флинта

Благодаря господину Лантцу как в Нью-Йорке, так и на ферме в Коннектикуте у меня на столе все время лежала стопка сценариев. Речь шла исключительно о серьезных предложениях, представляемых известными продюсерскими компаниями, поэтому я дал себе слово, что буду читать, по крайней мере, первые двадцать пять страниц каждого сценария, и если история меня не заинтересует, то со спокойным сердцем буду откладывать его и погружаться в следующие слои отпечатанной бумаги. Время от времени мне выпадала удача наткнуться на сценарий, который я сразу мог кинуть в стопку прочитанных либретто, которые потом Робби Лантц возвращал с учтивой благодарностью. Такую удачу я всегда праздновал дополнительной порцией пива и при этом почти летел к холодильнику на крыльях облегчения. Как раз за «Народ против Ларри Флинта» я и выпил это премиальное пиво; дело в том, что я в жизни не покупал журнал Флинта «Хастлер» с жестким порно; имен сценаристов я не знал; а название фирмы «Икстлан Продакшн» мне тоже ничего не говорило: «Наверное, это какая-нибудь порнография. Интересно, как эта вещь проскользнула мимо господина Лантца».

Прошло несколько недель, и Робби Лантц начал интересоваться, что я думаю об истории Ларри Флинта. Я заверил его, что сценарий не читал и читать не намерен.

—Ну, хотя бы пролистайте его, Милош,—сказал Лантц.—По крайней мере, из уважения к Оливеру Стоуну.

—Это продюсирует Стоун? Я не знал. Конечно, я прочитаю!

Оливера Стоуна я уважаю с тех пор, как в фильме «Взвод» он показал мне, что такое действительно побывать на войне, и вот я быстро выкопал сценарий из моего могильника, но все равно не ждал от него многого. Я начал читать и не откладывал сценарий, пока не дочитал до конца. «Народ против Ларри Флинта» не имел с порнографией ничего общего. Это была великая американская история со всеми необходимыми атрибутами: с сексом, наркотиками, пачками денег, ненавистью, покушением на убийство, тюрьмой, скандалами и судами, оканчивающимися триумфом свободы слова в Верховном суде. Эта история инсценировала вечный спор между правыми и левыми, между либеральным и консервативным полюсами человеческого мышления, между свободой и ее ограничением во имя «высших» принципов. В фильме все это обещает Ларри Флинт, когда в суде он выкрикивает великую истину, что лучшее мерило свободы общества—это то, как оно относится к сумасшедшим и извращенцам.

Я сразу же позвонил Стоуну, чтобы сказать, что меня действительно очень заинтересовал его проект, но прежде всего спросил: «А это уже читал Ларри Флинт?»

«Думаю, что нет, но это совершенно неважно. Все, что есть в сценарии, уже давно опубликовано. А ты не хотел бы сразу встретиться со сценаристами? Они разбираются во всем этом намного лучше меня».

Скотт Александр и Ларри Карашевски были очень образованными и талантливыми литераторами, но оба признались, что ни разу не встречались с Ларри Флинтом. Мне же такое копанье в чужой личной жизни не нравилось, и мне было все равно, сколько на этого человека уже изведено чернил и насколько захватывающей была его жизнь. Я знал, как нечто подобное разозлило бы меня, и поэтому прежде всего послал сценарий Ларри Флинту. В сопроводительном письме я сообщил ему, что был бы рад с ним встретиться, когда он прочитает этот сценарий—что для него, возможно, будет не очень-то приятно.

Вскоре я встречался в Лос-Анджелесе с руководством кинокомпании «Коламбия», которая взялась обеспечить этот проект с финансовой стороны, и на этот же день запланировал встречу с Ларри Флинтом. С «Коламбией» никаких долгих речей не велось, сценарий понравился, и проект получил зеленый свет—а мой разговор с Ларри Флинтом занял весь остаток дня. Его секретарша проводила меня в огромный кабинет, где за большим столом сидел в коляске широкоплечий рыжий мужчина. Когда я огляделся в этом дворцовом помещении, то заметил, что в каждом углу стоит по прекрасной лампе.

—И все они действительно от Тиффани?

—Нет, настоящая только одна, но когда вы не знаете, которая из них, то все они настоящие,—ухмыльнулся Флинт.

У него был прострелен позвоночник, и тело парализовано ниже пояса, но его широкое лицо все равно излучало необычайную жизненную силу.

—Так что вам нужно?—спросил он меня.—Вы хотели, чтобы я с вами разобрал этот ваш сценарий?

—Ну, это было бы очень мило с вашей стороны.

—Итак, на пятой странице—это случилось не в январе, это произошло в конце февраля.—Я быстро записал это.—А в следующей сцене, все еще на пятой странице, при этом отец не присутствовал, только мама.

Флинт нашпиговал весь сценарий фактографическими замечаниями, которые имели для меня огромное значение. «Эта сцена происходила не ночью, а при свете дня, да и дело было не во Флориде, а в Северной Каролине». Замечания на меня так и сыпались, и я горячечно черкал на полях сценария до тех пор, пока Флинт не перевернул последнюю страницу и не замолчал.

Я набрался смелости и спросил:

—Ларри, а вас не беспокоит, что в некоторых сценах вы, прямо скажем, выглядите вовсе не героически?

—Конечно, беспокоит! Естественно, меня это беспокоит, но что я могу поделать, если все это правда?—пробурчал Флинт.

Да, это настоящий соратник, подумал я и сказал:

—Ларри, а не хотели бы вы сыграть в нашем фильме судью? Тогда вы сможете осудить на двадцать пять лет самого себя!

—Ну что же, с судьей я справлюсь играючи. Я их немало на своем веку перевидал.

Так Флинт сыграл потрясающего судью в фильме, просто кишащем судьями, и никто ни во что не вмешивался и не пытался на нас повлиять. И то, что я вступил с ним в контакт,—очевидно, было лучшее, что я мог сде-

лать для фильма, потому что в результате перед нами открылось множество дверей. Актеры вдруг смогли посмотреть на реальных людей, которых они должны были играть в фильме; мы получили доступ к реальным местам действия, что безмерно углубило аутентичность как актерской работы, так и работы съемочной группы; и каждый раз, когда я бывал в чем-то не уверен, достаточно было снять трубку, позвонить Ларри и спросить, как в действительности было дело.

Актриса на миллион

«Народ против Ларри Флинта»—это был классический голливудский проект, и мне было понятно, что я должен буду взять на главные роли актеров, которые с коммерческой точки зрения его «потянут». При первом же чтении сценария у меня в подсознании возник Билл Мюррей, что «Коламбии» очень понравилось. Я позвонил ему и оставил на автоответчике сообщение. Он не перезвонил мне, я попробовал еще несколько раз связаться с ним через агентов, но от них тоже не было ответа. Только потом кто-то сказал мне, что Мюррей в то время сражался с какими-то своими личными демонами, но точно так же возможно, что ему просто не хотелось играть короля порнографии.

Ларри Флинт и Вуди Харрельсон

Когда я без особого удовольствия стал искать кого-то другого, актерское агентство предложило мне Вуди Харрельсона, от чего я не был в большом восторге. Фильм «Белые люди не умеют прыгать» я тогда еще не видел, и Вуди зафиксировался у меня в памяти как относительно негибкий актер в одном не слишком удачном фильме, но, конечно, я пообещал встретиться с ним. Я стараюсь всегда приходить вовремя, но именно в тот день я пришел в холл отеля «Four Seasons» в Лос-Анджелесе, где мы назначили встречу, на пару минут позже. Я с самого утра был в спешке и предвкушал спокойную атмосферу возвышенного отеля, но там царило еще большее оживление, чем на улице. Какой-то инвалид в коляске бешено разъезжал по холлу и что-то кричал. Только я успел отметить, что всегда сдержанный персонал отеля громко над ним смеется, как он ни с того, ни с сего поехал в мою сторону, и до меня дошло, что это Вуди Харрельсон. Пока он ждал, он заметил у черного входа инвалидную коляску и теперь демонстрировал мне, как он умеет на ней ездить, развлекая этим всю округу, и я понял, что нашел прекрасного Флинта.

Вторая по величине роль в фильме принадлежала жене Флинта, однако подобрать актрису на роль Алтеи Флинт было задачей посложнее. Мучения начались тогда, когда моя давняя сотрудница Франсин Майслер послала ко мне знаменитую вдову Курта Кобейна из группы «Нирвана». Кортни Лав сама была известной личностью в рок-музыке, но она чем-то заинтересовала Франсин как актриса. Меня в свою очередь она заинтересовала тем, что из сотни молодых женщин, которые хотели получить эту роль, одна Кортни пришла на пробы совершенно обкуренная. Она глядела на меня из межпланетной дали и на пределе возможностей своего мозга слепляла из слов простые предложения. Но она излучала такую жизненную силу и бесстрашие, что я решил пропустить ее на следующие пробы в любом случае. Терять было нечего, я все еще выбирал из двадцати актрис, которые мне чем-то понравились.

Во второй раз Кортни пришла абсолютно трезвая, и сцены, которые я выбрал, прочитала прекрасно. Я пригласил ее на последний тур, в котором у нее оставалось только две конкурентки. Каждая из трех финалисток определенно справилась бы с ролью Алтеи, так что теперь главным было то, как финалистки и Вуди будут реагировать друг на друга. Прежде чем я приступил к совместной репетиции, меня позвал на пару слов президент «Коламбии пикчерз». «Милош, мы не настолько богаты, чтобы позволить себе Кортни Лав,—объявил мне Марк Кентон.—Что ты будешь делать, когда она придет настолько укуренная, что не будет знать, кто она такая? Будешь ждать, когда ее выпустят из клиники?»

Я сказал Кентону, что в его опасениях, наверное, есть доля истины, и пошел к Кортни. Я объяснил ей, в чем дело, и добавил: «Но если ты сейчас пообещаешь, что не подведешь меня, я готов за тебя бороться».

Кортни поклялась мне, что во время съемок ни к чему такому даже не притронется. Она сказала это так, что я ей и правда поверил. Однако как только я поручился перед «Коламбией» за Кортни, они выдвинули новое возражение: «Кортни Лав никто ни за что не застрахует! Это просто исключено».

Чем больше было сопротивление, с которым я сталкивался, тем больше я связывал про себя Кортни с Алтеей, и тогда позвонил в Лондон, где один мой старый знакомый из города Часлав, Франта Новак, уже много лет работал страховым агентом. Он быстро нашел фирму, которая была готова выписать страховку даже на Кортни Лав. Конечно, это было недешево. О Кортни шла такая слава, что страховая компания потребовала вперед залог в размере одного миллиона долларов. Эти деньги нужно было перевести на лондонский счет, и если Кортни не принесет продюсеру никаких чрезмерных расходов, то по окончании съемок гарант получит их обратно.

«Коламбия» категорически отказалась поставить на Кортни миллион долларов, и я впервые обратился к Оливеру Стоуну. Хотя он все время воодушевлял меня обращаться к нему по любому поводу, мне не хотелось беспокоить его по пустякам, и я ждал момента, когда вес его личности на моей стороне действительно потребуется.

«Миллион баксов?—задумался Оливер, который, очевидно, видел в Кортни то же, что и я.— А что если мы скинемся и внесем этот залог вместе?»

Так в конце концов и произошло—Оливер Стоун, Майкл Хауссман, Вуди Харрельсон, Кортни и я послали в Лондон по 200 000 долларов, и Кортни стала нашей актрисой на миллион.

Вуди не обязан был принимать участие в этой операции, но они с Кортни настолько спелись, что он сам присоединился к нам, а я даже позволил им позже в двух длинных сценах импровизировать, что в последний раз пробовал делать в «Пролетая над гнездом кукушки». С правильными актерами проверенный подход действовал так же хорошо, как всегда. Вуди и Кортни нашли собственные слова и ритмы как в сцене в джакузи, где Алтея предлагает Ларри свободный брак, так и в сцене ревности, которая поставила точку в ужине четы Флинттов с религиозной сестрой президента Картера.

За все время съемок Кортни устроила лишь одну проблему. Нам нужно было снять несколько сцен в тюрьме «Колд Крик» недалеко от Мемфиса, но это было необходимо сделать в условиях обычного функционирования тюрьмы, и за каких-то три дня, потому что тюремному управлению наше вторжение пришлось не по вкусу. Весь штаб был на нервах, особенно когда на третий день оказалось, что мы не успеваем. День клонился к вечеру, и нам оставалось снять еще две сцены. Мы ставили свет для первой из них в проволочной клетке у камер для свиданий, и все шло гладко. В ней не было ничего сложного. Алтея, уже попавшая в абсолютную зависимость от наркотиков, идет сообщить Ларри, что от грязной иглы заразилась СПИДом— но перед свиданием ее еще должна обыскать надзирательница, которую, к счастью, играла настоящая сотрудница тюрьмы, так что репетировать было нечего. Я быстро объяснил Кортни и надзирательнице, о чем эта сцена, и начал съемку: «Свет! Мотор! Камера!»

Надзирательница принялась за работу и провела руками по груди Кортни для проверки, не прячет ли та что-то в лифчике. «Эй, что такое? Ты что, лесбиянка?—ни с того ни с сего напустилась на нее Кортни.—Признайся, ты, небось, уже мокрая?!»

Эта реплика была совершенно в духе ее героини, но в сценарии она отсутствовала, и надзирательница приняла ее на свой счет. Она в ярости

промаршировала из клетки и закрылась в женской раздевалке. С каждой минутой свет уходил. Я делегировал в раздевалку послов, но надзирательница категорически отказывалась вернуться. Она передала, что не будет со мной разговаривать и из раздевалки не выйдет.

Я отвел Кортни в сторонку и упрекнул ее, что теперь исключительно по ее вине не смогу снять последнюю сцену в тюрьме, ключевую для всей истории, и что судьба фильма теперь в ее руках. «И поэтому ты пойдешь к этой женщине и извинишься,—приказал я Кортни.—И если нужно будет встать перед ней на колени и вымолить прощение, ты встанешь на колени и вымолишь! Если в течение пятнадцати минут она не появится на площадке, все пойдет прахом!»

Прошло довольно много времени, прежде чем Кортни кивнула, но это был жест, полный вызова, и тогда я прибег к тому, что обычно не делаю: «Значит, я вижу, что ты собираешься увильнуть, но слушай внимательно. Если ты думаешь, что такие роли ты будешь получать каждый год или через год, то очень ошибаешься. Такая роль выпадает один-два раза в жизни, а ты собираешься ее проморгать».

Пяти минут не прошло, и Кортни привела надзирательницу обратно в клетку. «Мотор!» Надзирательница принялась за работу. Кортни молча держалась. «Стоп! Отлично!» И все мы принялись за последнюю тюремную сцену. «Народ против Ларри Флинта» снимал Филипп Руссело (потому что Мирек Ондрижчик как раз в это время снимал другой фильм), он работал очень быстро, поэтому в тюрьме «Колд Крик» мы в итоге все успели.

Я не знаю точно, но я убежден, что во время съемок Кортни даже не прикоснулась к наркотикам. Сначала я несколько раз находил ее в ванной трясушейся как осиновый лист, ее рвало. Очевидно, она проходила через страшные ломки как раз в тот момент, когда играла в фильме Алтею Флинт до того, как та стала наркоманкой. А как только Кортни эту ломку преодолела, мы начали снимать наркоманские сцены второй части фильма, так что ее игра была действительно выдающейся. Все, что она мне обещала, она в конце концов выполнила, и лондонская страховая компания полностью вернула нам залог.

Третьим важным персонажем в фильме «Народ против Ларри Флинта» был молодой адвокат. Первым на кастинге нам представился, в общем, незаметный молодой мужчина. Ему было нелегко. Быть первым на кастинге—такой же минус, как получить внешнюю дорожку в беге на четыреста метров. Первый актер редко удостоивается высокой оценки, потому что режиссер и люди вокруг него только уясняют для себя характер персонажа и ищут, кто, собственно, для этой роли годится, да только Эд Нортон ухватился за свой шанс и уже его не упустил. Он так уверенно придал роли молоденького адвоката черты своего характера, что я уже не мог представить в ней никого другого.

Брата Флинта Джимми у нас сыграл брат Вуди, Бретт Харрельсон, и я считаю, что братские отношения помогли им обоим—это было видно по их совместным сценам.

Роль сестры президента Картера сыграла Донна Гановер-Джулиани, в тот момент жена мэра Нью-Йорка. Чопорные улыбки и расчетливые паузы

она позаимствовала из мира высокой политики. Донна прошла ту же актерскую школу, что и Джеймс Кегни,—она всегда просто смотрела партнеру прямо в глаза и говорила правду.

Парадоксально, что для фильма о короле порнографии мне пришлось найти больше судей, чем стриптизерш. Кроме Ларри Фланта в мантиях сыграли профессор юриспруденции Берт Ньюборн и двое настоящих юристов. Чернокожего судью играл Д'Арми Бейли. В то время он служил в апелляционном суде в Мемфисе, и я должен сказать, что из всех настоящих аристократов, которых мне довелось узнать в жизни, никто не обладал такой грацией, как он.

«Народ против Ларри Фланта» я после большого перерыва снова снимал в реальных декорациях, снова чередовал актеров с непрофессиональными исполнителями и применял свой оригинальный, свободный метод съемок. После кропотливой возни с историческими фильмами и мюзиклами мне вдруг показалось, что я как бы только что выбросил мешок с песком из воздушного шара, который уже, было, начал задевать за верхушки деревьев.

Мемфис

«Народ против Ларри Фланта» мы снимали по большей части в штате Теннесси, куда съемочные группы не очень-то стремятся. Город Мемфис встретил нас восторженно и по-всякому баловал. Я даже привез оттуда редкого щенка полицейской овчарки, который родился рядом с тюрьмой «Колд Крик» незадолго до начала съемок. Эта порода была выведена для поимки

Милош Форман на съемках

бежавших из тюрьмы преступников, животное весит больше восьмидесяти килограммов, и у него невообразимо развито обоняние. Мой щенок принадлежал штату Теннесси, и продажу рядовому гражданину должен был одобрить сам губернатор, но Голливуд обладает волшебным влиянием—и я наконец нашел того, кому смог дать прекрасное древнечешское имя: у Хрудоша на морде с обеих сторон были фалды огромных кожаных мешков, полных чувствительных отростков, благодаря которым он обладал выдающимся нюхом.

В Мемфисе мы с Мартиной каждый день после работы ходили на ужин и брали маленького Хрудоша с собой. Он был еще маленький, большую часть времени проводил во сне, и мы оставляли его в машине подремать, а Мартина иногда ходила посмотреть, как он там. Однажды город почтил нашу съемочную группу торжественным ужином в дорогом ресторане, находящемся между бетонными полосами шоссе. Учитывая, что от парковки до ресторана было на самом деле далеко, мы отыскивали ближайшего полицейского, показали ему щенка и спросили, нельзя ли припарковаться поближе к ресторану, где Хрудош был бы под присмотром. Полицейский моментально показал на тротуар прямо под окнами ресторанный зала: «Ставьте сюда, я все устрою».

Через полчаса Мартина пошла посмотреть на Хрудоша. Полицейский стоял у машины, глядел на заднее сиденье и даже не позволил Мартине на цыпочках приблизиться к окну. Указательный палец одной руки он приложил к губам, а второй отогнал ее: «Тс-с-с! Тихо! Идите, идите! Дрыхнет как убитый! Идите отсюда! Идите, идите!»

Извращенцы

Под продюсерским дозором Майкла Хауссмана мы досняли фильм вовремя и в рамках бюджета—дело в том, что по-другому он и не умеет. Я закрылся в монтажной. Летом черновая версия монтажа была готова, и я пригласил Ларри Флинта посмотреть на себя самого. Перед показом я так нервничал, что прокурил весь маленький кинозал. Ларри сидел в полосах сигарного дыма как прикованный и не отрывал глаз от экрана. Прошло некоторое время, прежде чем я осознал, что у него по щекам текут слезы. В мерцающих грезах на экране Флинт видел перед собой не что иное, как свою Алтею—король американской порнографии был большим романтиком, чем поэтесса-подросток.

Премьера фильма «Народ против Ларри Флинта» состоялась в октябре 1997 года на Нью-Йоркском кинофестивале. Он собрал сплошь положительные рецензии и начал набирать обороты так, как мне и не снилось. «Коламбия» решила, что выпустит фильм в прокат только в декабре вместе со своими многообещающими картинами, а когда он наконец начал идти в кинотеатрах по всей Америке, то собирал хорошие деньги. Оба сценариста и я получили за него «Золотые глобусы», и все мы стучали по дереву и надеялись, что это предвестие еще большего успеха, но вдруг его неожиданно атаковали, и вместо культурных рубрик фильм очутился в новостях.

Глория Стейнем, которая начинала как «зайчик» в «Плейбое», а позже стала вожаком всех феминисток, напала на «Народ против Ларри Флинта» на страницах влиятельной газеты «Нью-Йорк Таймс». Она написала в газету

целую колонку и сразу же обвинила меня в цинизме. «Тот, кто продает порнографию, никакой не герой,—громила она меня со своей кафедры,—так же, как никогда не может стать героем издатель книги о Ку-клукс-клане или какой-нибудь фашист в Интернете, защищает его конституция или нет».

Стейнем подробно описала наиболее шокирующие картинки, которые когда-либо выходили в «Хастлере», отказалась признать, что такая провокационность объяснялась их сатирической направленностью, и одновременно обвинила меня в том, что я намеренно не включил в фильм самые спорные моменты. Она забросала Флинта грязью, насколько было возможно, и даже позволила себе написать, что он обвинялся в соvrращении собственной дочери, однако тут же прибавила, что Флинт это обвинение «решительно опроверг». Оливера Стоуна и меня она упрекнула в том, что главной нашей целью было унижить женщин и причинить им наибольшие мучения, потому что для нас обоих женщина значит меньше, чем животное.

Эта атака была мимо цели так очевидно, что Стейнем могла с тем же успехом обвинять «Ромео и Джульетту» в подталкивании молодежи к самоубийству. Она не только абсолютно не поняла «Народ против Ларри Флинта», но и тенденциозно и своевольно исказила его. Я попробовал ответить ей своей колонкой в «Нью-Йорк Таймс». «В моей жизни мне дважды не повезло оказаться в обществе, которое абсолютно подавило свободу самовыражения и в котором нельзя было ни свободно говорить, ни свободно действовать: впервые это было при фашистах, во второй раз—при коммунистах. Я предполагаю, что не случайно оба режима прежде всего выступили против тех, кого они считали извращенцами: против потребителей порнографии, гомосексуалистов, евреев и негров. Со временем список становился длиннее, пока в нем не оказались Шекспир, Иисус, Марк Твен и Уильям Фолкнер, и, наконец, в него попалал любой сантехник, учитель или домохозяйка, которые не подчинялись официальной идеологии. А что еще делать с такими извращенцами?»

Видеть свое мнение напечатанным черным по белому в «Нью-Йорк Таймс» было бальзамом на душу, но фильму это не очень-то помогло. Нас зарезал в «Нью-Йорк Таймс» другой колумнист, но этот Боб Герберт сразу воспользовался бензопилой. С его точки зрения, я не только циник, а явно извращенная свинья. В это время Стейнем уже объезжала Америку и организовывала бойкоты кинотеатров, в которых показывали наш фильм. В большинстве случаев ей не удавалось собрать много женщин, но ее кампания всегда вносила сильное разнообразие в местные телевизионные новости, так что внимание прессы было обеспечено ей с избытком. Один из феминистских транспарантов в Сан-Франциско обобщил ее аргументацию лучше, чем все колумнисты и комментаторы вместе: «У Оливера Стоуна, Милоша Формана и всех так называемых критиков мозги в пенисах!»

И это было начало конца фильма «Народ против Ларри Флинта». «Колумбия» все-таки нас вяло поддержала—но против восстала общественная сила, которой в Америке мало кто решится воспротивиться, и сборы в кассах кинотеатров резко пошли вниз. В исторических сводках лауреаты «Золотого глобуса», как правило, завоевывают и «Оскар», но зимой 1998 года, когда нас с Вуди Харрельсоном еще только номинировали на

«Оскара», мне уже было ясно, что шансы на успех у нас такие же, как у мыльного пузыря во время града.

В действительности шанс на успех был еще меньше. Дело в том, что когда началось голосование на «Оскара», журнал «Верайети» впервые за все время своего существования опубликовал антирекламу. Под заголовком «Информация к размышлению» там анонимно перепечатали статьи Стейнем из «Нью-Йорк Таймс». Это было уже слишком для остальных журналистов, и некоторые из них попробовали выяснить, кто стоит за этим объявлением. Журнал отказался раскрыть эту информацию, но журналисты выяснили, что его оплатила одна группа феминисток из Лос-Анджелеса—однако ее председатель проговорилась, что все расходы ее организации оплатил кто-то другой. Далее финансовый след терялся.

«Оскара» в том году завоевал «Английский пациент», который выпустила на рынок компания «Мирамакс». Через пару лет всплыло на поверхность, что в эпоху Харви Ванштейна у «Мирамакса» был собственный отдел дезинформации, занимавшийся отстрелом конкурентов, претендующих на «Оскара», но у меня нет никаких доказательств того, что атаку в «Верайети» и все поездки Глории Стейнем по Америке оплачивал «Мирамакс», и я не хочу выглядеть параноиком. «Народ против Ларри Флинга» не потерял деньги, но многообещающее начало не имело никакого продолжения.

«Ну, и что,—утешал я себя,—совершенно напрасным это не было. По крайней мере, у меня есть прекрасная собака».

Хрудош вырос в огромную псину с лицом моржа. Он был таким огромным, что когда садился рядом с моим креслом, и я хотел посмотреть ему в глаза, мне приходилось поднимать взгляд. В нем было много беспокойства и какого-то странного напряжения. Я огородил высоким забором большой загон за домом, чтобы он не убежал, и пытался постепенно приручить его. Мне потребовался год, прежде чем он позволил мне опереться лбом о его массивный череп, но к этому времени он уже вбил себе в голову, что вся еда на свете принадлежит ему. Хотя он великодушно позволял нам каждый день поесть немного из его запасов, из-за этого он часто злобно на нас по-рыкивал. Однажды он схватил уборщицу за ногу, и я строго наказал его. Через пару дней у нас на ужине был Жан-Клод Карьер, и когда я ставил перед ним тарелку с едой, Хрудош прыгнул на него и укусил за нос. Хотя он и не стиснул челюсти, и так потекла кровь. Я отвез Жан-Клода в больницу и по дороге решил, что ничего не поделаешь и что мне действительно придется отказаться от Хрудоша. Джимми и Энди как раз начинали лазать по дому, а этому огромному полицейскому псу просто нельзя было доверять.

Хрудош был единственной собакой, которую я потерял с той поры, как у меня во втором классе вырвали из рук таксу Река. Я нашел для него лучший приют, оплатил его пребывание там до конца жизни и надеялся, что у них найдутся какие-нибудь восхитительные запахи для его прославленного острого нюха, да только бедняга Хрудош не был создан для этого мира. Не прошло и трех лет, как он умер в приюте от рака.

Перевод с чешского **Марии Едемской**
